

А. П. Килин

## **ЧАСТНАЯ ТОРГОВЛЯ И КРЕДИТ НА УРАЛЕ В 1920-е гг.**

Урал является типичным старопромышленным регионом. Его отраслевая структура была сформирована в период промышленного переворота, а предпосылки складывались в рамках преобразований Петра I в XVIII в. Будучи для того времени регионом нового освоения, Урал должен был удовлетворить потребности государства в качественном металле. Эта специализация территории постепенно расширялась в связи со складыванием вертикальных и горизонтальных производственных связей, однако традиционно оставалась в рамках тяжелых отраслей промышленности. Можно говорить о сложившейся диспропорции в отраслевой структуре производства, которая получила свое окончательное оформление в ходе форсированной индустриализации в конце 1920-х–1930-е гг.

Период новой экономической политики дает пример сосуществования различных экономических укладов, взаимодействие которых происходило в условиях допущения рыночных отношений. Горно-добывающая и металлургическая промышленность, металлообработка, деревообрабатывающая и химическая промышленность — являлись отраслями специализации Урала. Оставшиеся отрасли в виде легкой промышленности (пищевой и текстильной) не говоря уже о третичном секторе экономики, находились в зачаточном состоянии. Но в годы НЭПа у них появился шанс на развитие или по крайней мере на восстановление. Ориентация на производство средств производства, основным потребителем которых являлось государство, дефицит товаров широкого потребления — реалии, с которыми приходилось считаться, решая вопрос о товарообороте Уральского региона. Актуальность этих проблем сохранялась вплоть до начала рыночных реформ 1980–1990-х гг., когда потребности в товарах широкого потребления стали удовлетворяться в основном за счет импорта.

Товарный голод был хронической болезнью Урала на протяжении периода НЭПа и усугубился в ходе индустриализации, когда приоритетное в рамках всей страны финансирование строительства заводов-гигантов повлекло за собой наплыв денежных знаков. Товарная масса

увеличивалась более медленными темпами. Переход к распределению товаров на основе карточной системы в конце 1920-х гг. стал логическим результатом этого отставания.

В этих условиях торговая деятельность должна была столкнуться с целым рядом трудностей, которые в меньшей степени проявлялись в других регионах. Удовлетворение потребностей населения в значительной мере зависело от ввоза товаров из других районов страны, т. к. только от одной четверти до одной трети потребляемых уральским населением промтоваров производилось на месте<sup>1</sup>. Эта проблема сглаживалась до октября 1917 г. условиями рыночной экономики. Предприятия горно-заводского Урала производили дефицитную в условиях аграрно-индустриальной страны продукцию. Металл, руды, асбест, соль, золото, платина, древесина, продукция сельского хозяйства, меха — пользовались спросом на внутреннем и внешнем рынках. Всероссийское значение имела Ирбитская ярмарка. Дефицит товаров повседневного спроса частично удовлетворялся за счет продукции кустарно-ремесленного производства, которое широко было развито на Урале. Определенную роль играла и транзитная торговля, которая частично удовлетворяла потребности населения.

С товарным голодом в условиях НЭПа можно было бороться традиционными методами, путем создания соответствующего потребностям населения торгового аппарата и насыщения его товарами. Однако такое решение вопроса было весьма дорогостоящим и требовало серьезных капиталовложений. Здесь мы сталкиваемся с другой традиционной для Урала проблемой — дефицитом финансовых ресурсов. Основным источником поступления денежных средств на Урал как до, так и после октября 1917 г. являлась государственная казна, аккумулирующая необходимые финансовые ресурсы. Когда государство в XIX в. сменило свои приоритеты и переключило инвестиционные потоки с Урала на Донбасс, начались серьезные проблемы в хозяйстве восточного региона. Дефицит капиталов заставлял обращаться за кредитом, который не всегда удавалось вернуть, и как следствие — 80% акций уральских горно-заводских округов накануне Первой мировой войны оказалось в руках крупнейших банков.

Как известно, основой для первоначального накопления капитала являются отрасли легкой промышленности, менее капиталоемкие, выпускающие продукцию, пользующуюся постоянным спросом, с более оперативным оборотом капитала. Тяжелая промышленность, напротив, капиталоемкая, с длительными сроками окупаемости. Если до 1913 г. скорость оборота капитала в металлургической промышленности Урала составляла в среднем 1,5 года, то в середине 1920-х гг. — раз в 7–8 месяцев<sup>2</sup>. Однако по-прежнему существование уральского хозяйства во мно-

гом зависело от государственной поддержки. Регион, находясь в центре внимания государства в XVIII в., демонстрировал высокие темпы роста. Обратной стороной этой протекционистской политики явился консерватизм уральского хозяйства, отсутствие у предприятий необходимой мобильности и гибкости. В условиях стагнации, спад в хозяйстве Урала ощущался особенно болезненно. В условиях незначительного внутреннего накопления внешние субсидии для Урала были необходимы.

Очевидно, что политические коллизии начала XX в. негативно повлияли на экономику региона. По окончании гражданской войны, принесшей с собой разруху, порой полную разбалансировку хозяйственного механизма, ситуация с наличием капиталов еще более усложнилась.

Вывоз капиталов начался еще до революции, когда нестабильная ситуация заставляла обращать денежные средства в сокровища, мобильные ценности, которые было удобнее скрывать, а при необходимости — оперативно вывезти. Основной удар по частному капиталу нанесла национализация. Капиталистические элементы, не успевшие вывезти или скрыть свое имущество, были разорены. Политический хаос времен гражданской войны, экономическая нестабильность в новь вынуждали отдавать предпочтение портативным ценностям.

С разрушением общероссийского рынка в годы Первой мировой войны Урал при решении проблем снабжения населения оказался в очень сложной ситуации. Мещочничество периода военного коммунизма не в состоянии было полностью удовлетворить потребности населения. С провозглашением новой экономической политики, ситуация прогрессировала медленными темпами. Сказывалось отсутствие капиталов и объектов, пригодных для инвестирования. Как и до Октября 1917 года, в период НЭПа, наскоро сколоченные путем хищений и иных нелегальных методов капиталы уходили в центральные районы страны, насыщенные предприятиями легкой промышленности.

Во второй половине 1920-х гг. острота проблемы снабжения не была преодолена. 71% продукции цензовой и 62% всей уральской промышленности в 1926–1927 гг. приходились на производство средств производства, а следовательно, снабжение широкого рынка было связано с уральской промышленностью весьма слабо<sup>3</sup>. Уральскими хозяйственниками с гордостью отмечалось, что в 1920-е гг. Урал стал хлебозаготовительным районом, по образному выражению, «из нахлебника превратился в хлебника», но 45% населения области являлись исключительно потребителями<sup>4</sup>.

В отличие от других регионов страны, где взаимодействие между промышленностью и торговлей осуществлялось по классической схеме (первая производит, а вторая реализует), «на Урале промышленность — источник существования 190 тысяч рабочих и служащих, и состояние и

развитие промышленности определяют главную часть спроса населения на товары»<sup>5</sup>. Производственный сектор обеспечивал занятость населения и денежными знаками, а товарами должна была снабдить торговля либо механизм государственного снабжения. От маневренности торгового аппарата, умения ориентироваться в многоукладной экономике зависела эффективность снабжения населения и в конечном итоге — его работоспособность. При этом рост цен на товары первой необходимости автоматически увеличивал затраты в производственной сфере. Именно поэтому более предпочтительным считался контроль распределения через государственный торговый аппарат или кооперацию, которую называли «госторговлей № 2». «Не потому, что мы принципиальные противники частной торговли, а потому что Урал живет в таких условиях, где состояние стоимости бюджетного набора может особенно влиять на всю судьбу уральской промышленности», — отмечал заведующий Областным отделом внутренней торговли на совещании в Уральской краевой конторе Госбанка. «Изделия уральской промышленности более дешевые, чем южные, не потому, что у нас техника выше, а потому, что уровень заработной платы ниже, чем на Юге. Стоимость бюджетного набора на Юге составляет 22–23 руб., тогда как на Урале 12 руб. 50 коп. или 13 руб. Ставить же стоимость этого бюджетного набора в зависимость от частного капитала, который будет работать, мы не можем...»<sup>6</sup>. В этих рассуждениях содержится традиционная для Урала тема — его конкуренция с южной угольно-металлургической базой — Донбассом.

В целом, инвестиционный климат, сложившийся на Урале в 1920-е гг., можно оценить как неблагоприятный. Это положение было традиционно для Урала и предопределялось экономико-географическими и историческими условиями формирования региона как промышленной базы страны. В силу этих причин на Урале ощущался дефицит в товарах широкого потребления. Решить эту проблему не представлялось возможным без создания эффективной кредитно-финансовой системы, ориентированной на потребности территории. Совершенно справедливо считают, что Урал богат традициями, в том числе и набором традиционных проблем, т. к. обсуждение вопроса о построении эффективной региональной банковской системы идет и по сей день.

**Анализ форм, методов, ассортимента частной торговли.** Роль торговли как вида хозяйственной деятельности в годы НЭПа трудно переоценить. Очевидно, что она приобретает особую значимость в переходные периоды, особенно на этапе первоначального накопления капитала. Классическое определение сводится к следующему: «Торговля — это преодоление разобщенности между производителем и потребителем во времени и пространстве». Организация взаимодействия — так виделась

функция торговли в годы НЭПа, особенно актуальным было взаимодействие города и деревни, различных регионов страны. Недостаток связей, умений, навыков взаимодействия в новых условиях представлялись весьма сложной проблемой, так как прежние механизмы распределения перестали действовать, а новые правила игры приходилось устанавливать заново, отчасти реанимируя дореволюционный опыт хозяйствования.

Традиционно на бытовом уровне роль торговли недооценивали, если не говорить о негативном отношении к этому виду деятельности в целом. Мы сошлемся на мнение министра торговли и промышленности, который занимал этот пост с 1903 по 1915 г., С.И. Тимашева. Среди причин, мешавших ему добиться в этой должности поставленных целей, он называет «непонимание у нас значения торгово-промышленной деятельности и даже враждебное к ней отношение». Он считал, что «...крупная ошибка заключается в смешении понятий “торговля”, “промышленность” — с одной стороны, с понятиями “торговец”, “промышленник” — с другой. Большинство обывателей суть покупщики, заинтересованные купить дешевле; им противостоят торговцы, желающие продать дороже. Между обоими лагерями непримиримая вражда. И это нерасположение к торговцу, а также к производителю-фабриканту переносится на самую их деятельность»<sup>7</sup>. В условиях советской России, даже провозгласившей новую экономическую политику, антагонизм только нарастал. Товарный голод, дефицит самых необходимых товаров и услуг не способствовали умиротворению в отношении торговца. В то же время торговля являлась символом возвращения к мирной жизни после экстремального периода революций и военного коммунизма. Бытовало мнение, что если стрельбы не слышно, а базар работает, можно спокойно выходить на улицу.

В послеоктябрьский период была введена идеологическая градация торговли. Сфера распределения, относящаяся к обобщественному сектору, была объявлена «советской» (ср., например: «техникум советской торговли»). Таким образом, ее деятельность выводилась из зоны критики, и весь негативный заряд, связанный с понятием «торговля», переносился на частника. Действительно, характер деятельности государственных органов более точно отражал термин «распределение», а не «торговля». Частник же становился носителем таких определений, как «торгаш», «спекулянт» или «нэпман».

Торговля периода НЭПа во всем своем многообразии являлась отражением существовавших экономических укладов. Торговый аппарат Урала включал в себя следующие составляющие:

1. Обособившийся от производственных объединений сбытовой аппарат государственной промышленности (синдикаты).

2. Государственная торговля как в чистом ее виде (организации, имеющие своей основной целью торговое посредничество), так и госу-

дарственные органы и общественные организации, осуществлявшие торговое посредничество в качестве подсобного занятия, но имеющие своей целью другие функции.

3. Потребительская кооперация как система в основе своей торгово-посредническая.

4. Прочие виды кооперации, поскольку они выполняли торгово-посреднические функции.

5. Частная торговля<sup>8</sup>.

Табл. 1 дает представление о доли секторов торговли: обобществленный сектор не только доминировал в товарообороте, но и явно противопоставлялся частному.

Т а б л и ц а 1

*Посреднический товарооборот Уральской области по основным категориям торговли за 1924–1927 гг. (% к итогу)\**

Части торгового аппарата	1924/25	1925/26	1926/27
Государственные органы	36,8	36,6	35,3
Кооперация	49,3	49,7	53,4
Итого обобществленный сектор	86,1	86,3	88,7
Частники	13,9	13,7	11,3
Весь посреднический товарооборот	100,0	100,0	100,0
В том числе розница	44,9	45,9	44,3

\* См. об этом: Антонов Д. Уральский торговый аппарат // Хозяйство Урала. 1928. № 5–6. С. 38.

В той или иной степени все участники товарооборота взаимодействовали друг с другом с использованием механизма кредитования. Однако «пятый элемент» в этой системе получал кредиты на особых, не самых выгодных, условиях именно в силу своей классовой чужеродности, как представитель «бывших» классов и «отжившего прошлого», в перспективе обреченный на исчезновение.

Сложившаяся в начале 1920-х гг. ситуация в экономике отводила роль источника накопления капитала государственному сектору, а наиболее оптимальным каналом для подобного рода перекачки средств являлась торговля. Отсутствие отлаженной системы снабжения и сбыта, дефицит устойчивых связей в государственном секторе поднимали значимость частного посредника.

Торговля давала максимальную скорость оборота капитала, не требовала крупных первоначальных затрат, была мобильна, лидировала в охвате потребителей. В условиях товарного голода практически любой товар находил сбыт. Осуществление торговой деятельности было возможно при максимальной тайне, что, в свою очередь, создавало условия для сокрытия доходов и ухода от налогов. Торговую деятельность было столь

же легко начать, как и прекратить. В условиях инфляции резко возрастала роль бартерных сделок, товарного кредитования, и имеющийся на руках товар являлся более надежным средством платежа и средством обеспечения, нежели обесценивающиеся денежные знаки.

Товарное кредитование в этих условиях было предпочтительнее. Именно на этот период приходится масштабная торгово-посредническая деятельность Госбанка. Для занятия отдельными видами торговли не требовалось высокой квалификации. По этим причинам торговля привлекала максимальное число желающих заняться собственным делом в период экономической нестабильности. Зачастую лишь торговля позволяла человеку найти средства к существованию, так как безработица является атрибутом кризисных этапов истории. Поэтому не случайно при рассмотрении частного капитала в хозяйстве страны в первую очередь рассматривают торговлю, которая доминировала в частнопредпринимательской деятельности.

Отсутствие советского, то есть полностью контролировавшегося государством, торгового аппарата выдвинуло на первый план частного торговца, а следом за ним — поднимаемую усилиями властей кооперацию.

М.М. Жирмунский отмечал: «Условия падающей валюты, затруднявшие калькуляцию и приводившие к невозможности для промышленности угнаться в своих отпускных ценах за растущей себестоимостью, хронический и редкий недостаток в оборотных средствах, оторванность от провинциальных рынков, вынуждавшая промышленность работать на территориально ограниченных рынках — все это, в своей совокупности, ставило промышленность в еще более тесную зависимость от рынка... Гегемония торгового капитала над промышленным явилась той основной причиной, благодаря которой убытки промышленности... делались, в значительной степени, прибылями частного торгового капитала»<sup>9</sup>.

Однако доля «гегемона» была незначительной и серьезно отличалась от дореволюционного уровня. «Если численность частных торговых предприятий, имевшихся в 1912 г. на современной территории европейской части Союза ССР, принять за 100%, то теперешний частный аппарат по числу своих заведений составляет в сельских местностях лишь 19,3% от довоенного, в городах и поселениях городского типа 113,5%, по уезду в целом 45,5% довоенного частного аппарата», — отмечалось в материалах комиссии ВСНХ<sup>10</sup>.

Основные характеристики частной торговли в годы НЭПа, в отличие от дореволюционной, сводились к следующему: в целом, частных предприятий было меньше; торговля концентрировалась в городах, вообще неравномерно располагалась по территории как страны, так и региона; преобладала розничная форма; она была мобильной (лишь одна четверть операций производилась из стационарных помещений); имела более уз-

кий ассортимент; характеризовалась высокой «смертностью» заведений; постоянно балансировала на грани легальности, особенно в процессе приобретения дефицитной продукции; более половины ( $\frac{2}{3}$ ) нэпманов» составляли «новые богатые», т. е. ранее предпринимательством не занимавшиеся; частные предприниматели находились под мощным социаль-но-психологическим прессингом.

На Урале вышеперечисленные тенденции, в силу отмеченных особенностей, проявлялись с большей интенсивностью. Частник занимал в экономике Урала незначительное место, точнее — 14,9% в общем посредническом товарообороте. Эти показатели заметно отличались от общесоюзной картины. Так, по данным Народного комиссариата торговли (НКТ) удельный вес частных оборотов в посреднической торговле СССР составлял в 1924/25 г. — 27,8%, в 1925/26 г. — 24,8% и в 1926/27 г. — 18,5%<sup>11</sup>. Оговоримся, что приведенные данные дают лишь приблизительную картину, т. к. статистика (прежде всего патентная, которая служила основой для большинства расчетов) была ориентирована прежде всего на интересы фиска и существенно искажала реальную ситуацию. Не учитываются следующие возможные варианты: не выбирал патент и торговал нелегально; не сдавал бесплатный патент 1-го разряда и числился действующим; наемного служащего в кооперативе вынуждают выбирать патент на индивидуальное промысловое занятие, или обратная ситуация, когда под видом кооператива действовал частник. Налоговая статистика как правило преувеличивала размеры предприятия и величину его оборотов. Наиболее объективными, на наш взгляд, являются результаты выборочных обследований, которые проводились в отдельных регионах страны<sup>12</sup>.

Неоднородным являлось и распределение частной торговой сети по Уральской области. Наиболее насыщенными торговыми заведениями являлись районы с крупными городскими центрами — Пермский и Свердловский округа. Но если Свердловский округ лидировал по количеству частных предприятий (на 1 октября 1926 г. — 1770), то Пермский — по величине оборота, приходящегося на одно предприятие (23,3 тыс. руб. против 14,2 тыс. руб. в Свердловском). При среднем удельном весе частника по области в 61%, ряд округов превышал этот рубеж: Свердловский и Челябинский (66%), Кунгурский и Тюменский (65%), Курганский (64%), Сарапульский (63%) и Троицкий (62%)<sup>13</sup>. Вполне закономерным в этих условиях явилось создание Обществ взаимного кредита частных торговцев и промышленников (ОВК) именно в Перми и Свердловске.

Сложившаяся в 1920-е гг. классификация форм частноторгового предпринимательства отвечала прежде всего требованиям фискальной системы. Государство, заинтересованное в максимальном охвате частных торговцев, разработало сложную систему критериев и норм. В ее основе лежало разделение всей торговой деятельности на пять разрядов разря-



дов. Классификация торговых заведений проводилась по различным критериям: временные; территориальные; характер торгового помещения; количество работающих; по ассортименту реализуемых товаров; по характеру производимых операций. Данные характеристики были ориентированы на фискальные интересы, носили внешний характер, не отражали доходности предприятия, размеров собственного и заемного капитала, сглаживали реально существующую дифференциацию торговых заведений. Более детальную классификацию разрабатывает Б. Эвенчик. Он исходит из данных Уральского ОблФО о числе частных предприятий по разрядам и выводит условную среднюю величину капитала, вложенного в каждый разряд. В результате получается следующая шкала: 5-й разряд — 10 000 руб.; 4-й разряд — 5 000 руб.; 3-й разряд — 750 руб.; 2-й разряд — 200 руб.; 1-й разряд — 50 руб.<sup>14</sup>

Очевидно, что в обобщественном секторе торговли преобладали крупные и средние предприятия, а в частном — мелкие и карликовые. Частный аппарат на 75% складывался из предприятий 1-го и 2-го разряда; остальное приходилось на 3-й разряд. Из общего числа достаточно крупных предприятий (4–5-й разряды) на частный сектор на 1 октября 1924 г. приходилось 12%, а на 1 октября 1927 г. — 11%. Средняя торговля (3-й разряд) по числу предприятий уже более чем на одну треть принадлежала частникам. Что касается мелкой торговли (1–2-й разряды), то она была полностью монополизирована частным сектором. Обобщественная торговля Урала на 1 октября 1924 г. имела менее 5% мелких предприятий<sup>15</sup>.

При оценке доли частного сектора в различных секторах экономики и определении его доли в тех или иных торговых операциях использовали деление по принципу «опт — розница». Такого рода градация также в достаточной мере условна. Если исходить из буквы Расписания разрядов, то к розничной торговле следует отнести предприятия 1–3-го разрядов полностью, 4-го — частично, а заведения 5-го считать оптовыми. Однако на практике эта ситуация видоизменялась. Сказывались региональная специфика и особенности торговли по ассортименту или способу организации. Несмотря на недостаточно высокую степень концентрации торгового аппарата на Урале, предприятия 3-го разряда могли вести и полуоптовую торговлю.

Различались оптовая и розничная торговля строением капитала. Так, например, соотношение своих и заемных средств в розничной торговле выражалось в пропорции 3:1, по полуоптовой — 4:1, а в оптовой 2:1. При этом характерно, что состав заемных средств был также различен. Так, в розничной торговле преобладал товарный кредит (70% всех кредитов), в полуоптовой он был равен денежному (50%), а в оптовой он значительно превышал денежный (25%)<sup>16</sup>. При характеристике социального состава

членов ОВК и ссудополучателей также использовалось деление торговцев на оптовиков и розничников.

Капиталы частника постоянно находились в обороте, не оседая в виде мертвых ценностей. Значительную часть капиталов, как правило более  $\frac{3}{4}$ , составляли собственные средства предпринимателя, в то время как кооперация существовала за счет государственных кредитов — денежных или товарных. На отличия в строении капитала частника указывалось неоднократно. «Основной базой работы частного предпринимателя в торговле являются собственные средства, очень подвижные, всецело находящиеся в обороте. Это одна из сильных положительных сторон работы частника. Он в распоряжении средствами ни в коей мере не стеснен, и, кроме того, это же сокращает ему расходы за пользование кредитами. Но в такой же мере это является и слабой стороной работы для самого частного предприятия: небольшие, в конце концов, средства частного торговца и почти полная невозможность привлечения средств со стороны (об особенностях кредитования частника будет сказано ниже. — А. К.) — не дают ему возможности развертывания своих операций и значительно увеличения частной торговли вообще»<sup>17</sup>.

Скорость оборотов частника подтверждают следующие данные Г. Исупова: «Частная торговля располагает крайне незначительными суммами капитала по сравнению с государственной торговлей и кооперацией: в общей сумме находящихся в торговом обращении средств капитал частной торговли составляет всего 7%; несколько больший удельный вес частная торговля имеет, если сопоставлять только собственные средства торговли — 11,4%, при удельном весе частной торговли по обороту в 14,7%»<sup>18</sup>.

Отметим, что существовала тенденция сокрытия доходов, зачастую прибегали к ростовщичеству, сделки с которым не находили отражения в официальной статистике. Это позволяло уклоняться от налогообложения, скрывать дополнительные источники доходов. Нередко кредит предоставлялся родственникам или компаньонам. Материалы личных дел лишенцев дают немало примеров такого рода кредитования<sup>19</sup>.

В 1920-е гг. было принято номенклатуру товаров подразделялась на «достаточные», имеющиеся в необходимом количестве и ассортименте у кооперации, государственной торговли, и товары «недостаточные» — находящиеся в дефиците у обобществленного сектора. Цены на последнее в частной рознице были предельно высоки.

Приоритеты частника в торговле различными товарами проистекали из специфики объекта торговли и способов его реализации. Частник оперировал товарами, которые требовали быстрой реализации и точного знания спроса (мясо, рыба, печеный хлеб), теми продуктами, которые

распространялись в розницу и требовали рассеянной сбытовой сети (соль, сахар, спички, керосин, мелочный товар).

Ограничения, которые накладывала экономическая ситуация на товарный ассортимент частника сводились к дефициту капитала, стремлению сокрыть реальный доход, ограничениями государства на выпуск и реализацию некоторых видов продукции.

Политика государства вынуждала частного торговца искать новые рынки сбыта и пересматривать номенклатуру товаров, все больше вовлекать в сферу своей деятельности кустарную и сельскохозяйственную продукцию, стремясь гарантировать поступление товаров минуя госсектор. В середине 1920-х гг. стал шире использоваться товарный кредит в отношениях с кустарём. Самый надежный путь для бесперебойной поставки товаров частник видел в тесной связи, скорее даже в зависимости кустика от поставщика сырья. Таким образом, в условиях многоукладной экономики с доминированием элементов государственного регулирования, формировалась традиционная раздаточная система производства. Логика развития частной торговли приводила к сближению с частным производителем и, в идеале, виделась как замкнутый круг частнокапиталистического производства.

В реализации этой тенденции весьма продуктивным являлось развитие ОВК, так как операции с менее доходными товарами, увеличение затрат на транспортировку требовали привлечения кредитных ресурсов. Однако конкуренция частных и государственных заготовителей на крестьянском рынке была пресечена жесткой политикой государства по отношению к частнику. Одним из шагов в этом направлении стал нажим на ОВК, их фактическая ликвидация. Помимо этого, государство прибегло к дифференциации транспортных тарифов по отношению к отдельным категориям товаров, главным образом продовольственных, к прямому запрету их перевозки железнодорожным транспортом.

Рассмотрев частную торговлю как один из объектов нашего исследования, необходимо дать характеристику кредитной системе Урала в этот период.

**Кредитная система.** Становление финансово-кредитной системы в России инициировалось и осуществлялось государством, т. е. сверху. Если эта тенденция проявляла себя в дореволюционный период, то после октября 1917 года она абсолютизировалась.

При анализе кредитной политики государства на протяжении 1920-х гг., возникает вопрос о ее периодизации. В связи с тем что кредитная политика была производной экономической политики, которая, в свою очередь, предопределялась политическим видением перспектив и места частного капитала в хозяйстве СССР, говорить о специфической

периодизации в сфере кредита не приходится. В рамках не столь продолжительного нэповского десятилетия разрешительная политика государства в отношении частника не раз сменялась жестким прессингом. Все мероприятия носили характер кампании, инициировались центральной властью и сопровождались пресловутыми «перегибами на местах», когда планы перевыполнялись и приводили к обратным результатам. Налоговая, кредитная, торговая, тарифная и прочие составляющие экономической (финансовой) политики испытывали колебания практически синхронно.

Отечественная кредитная система на протяжении весьма непродолжительного периода пережила несколько серьезных трансформаций: национализация (1917–1918), затем монополизация (Народный банк, а затем Государственный банк, 1918–1922), вслед за этим преодоление монополизма — децентрализация (1922–1928), затем вновь реорганизация, направленная на сосредоточение кредита в руках нескольких банков и ликвидация коммерческого и частного кредита (1929–1932).

Говорить о кредитной системе отдельного региона, Урала например, с научной точки зрения было бы не совсем корректно. Банковская система, сам процесс ее формирования — прерогатива федерального центра, и она едина для всей страны. Модель финансово-кредитной системы при продвижении в регионы могла трансформироваться, приспосабливаясь к местным условиям. В условиях рыночных отношений происходит как унификация деятельности на основе единых принципов функционирования хозяйственной системы в целом, так и адаптации к местным условиям ведения бизнеса. Структуры, которые не могут доказать своей жизнеспособности, отмирают. Административными мерами вернуть их к жизни невозможно. Региональная специфика проявлялась в различном сочетании элементов банковского сектора хозяйства, уровне их развития, особенностях клиентуры, наличии и сочетании рыночных инструментов и институтов (например, биржи).

В первой половине 1920-х гг. в СССР сформировалась довольно разветвленная сеть банковских учреждений, состоявшая из двух уровней — Государственного банка и специализированных кредитных учреждений (спецбанков). Она была дополнена системой кредитных учреждений — коммунальными ломбардами, сберегательными кассами, обществами сельскохозяйственного кредита, обществами взаимного кредита частных торговцев и промышленников, кредитными и ссудосберегательными кооперативными товариществами, которые отражали многоукладность экономической системы периода НЭПа. Несмотря на наличие множества элементов в кредитной системе, в ее основу был положен принцип единства и централизации. Подчеркивалась доминирующая роль Госбанка, проводилась единая для всех банков кредитная политика. Руководство

всей банковской системой было поручено Народному комиссариату финансов (НКФ), контроль над деятельностью других банков — Госбанку.

Совершенно исключительная роль принадлежала Государственному банку. По сути, он олицетворял собой «командную высоту», которую заняло государство в кредитной сфере. Помимо того, что Госбанк был «банком банков» и эмиссионным центром, «...он является самым мощным кредитным учреждением, призванным свои активные коммерческие операции направлять в ту или иную сторону, согласно тем или иным требованиям, предъявляемым государственной властью к хозяйственной жизни страны. И осуществляет он это такими методами и в таких размерах по отношению как к кредитному аппарату, так и всем торгово-промышленным предприятиям страны, кои, конечно, не имеют места в практике центральных банков других государств»<sup>20</sup>.

Это свидетельствует о больших полномочиях центрального банка страны, выходящих за традиционные рамки банковского регулирования, его исключительной роли как инструмента финансовой политики государства.

В силу того, что Уральский регион являлся периферийным, процессы становления банковской системы несколько запаздывали. Кредитная система начинает восстанавливаться с 1922 г. До этого практически на всей территории Урала Госбанк являлся монополистом: кроме шести учреждений этого банка, здесь не было ни одного кредитного учреждения. Только в октябре 1922 г. и феврале 1923 г. открылись филиалы Всероссийского банка потребительской кооперации (Покобанк) (позднее Всероссийского кооперативного банка — Всекобанк) и Торгово-промышленного банка (Промбанка), но они долгое время играли мало заметную роль.

1922/23-й хозяйственный год принес с собой значительное расширение кредитной сети Урала: в 1-м квартале начал свои операции Покобанк; во 2-м квартале — Промбанк, Пермское ОВК; в 3-м — Уральский сельскохозяйственный банк (Уралсельхозбанк). Общая сеть вместе со вновь открывшимися учреждениями Госбанка к концу года достигла 20 учреждений. Их сводный баланс на 1 октября 1923 г. составил 9 216,2 тыс. рублей<sup>21</sup>.

В 1924/25 г. в течение 1-го полугодия возникает Свердловский коммунальный банк (Комбанк), открываются два филиала Госбанка и один — Уралсельхозбанка. В июле — августе создаются Сарапульское и Свердловское ОВК. По состоянию на 1 октября 1925 г. уральская кредитно-финансовая система представляла собой 18 учреждений Госбанка, 5 — Промбанка, 12 — Уралсельхозбанка, 2 — Комбанка, 4 — ОВК<sup>22</sup>.

В дальнейшем кредитная система Урала активно развивалась. Это объяснялось тем, что, с одной стороны, региону отводилась приоритетная

роль в процессе восстановления хозяйства страны, с другой, — процесс явно форсировался, зачастую преобладали корпоративные интересы самих банков. По состоянию на 1 августа 1927 г. на территории Урала функционировало 20 учреждений Госбанка, 8 — Промбанка, 4 — Всекобанка, 12 филиалов Уралсельхозбанка, 5 — Комбанка, 11 — ОВК. Всего функционировало 60 кредитных учреждений<sup>23</sup>.

Темпы роста опережали реальный уровень развития экономики Урала. Рост филиальной сети зачастую предопределялся ведомственными интересами, в то время как капитал в подавляющей своей массе был государственным. Процесс привлечения средств частных клиентов шел медленно. Как следствие, возникла избыточность сети кредитных организаций, конкуренция, лишенная экономической эффективности.

В условиях конкуренции стали осложняться отношения между Государственным банком и специализированными банками. Именно тогда встал вопрос о разделении клиентуры между всеми банками с отведением каждому кредитному учреждению определенного круга организаций. Практически решить этот вопрос было сложно, так как размер реальных ресурсов ряда банков мог не соответствовать объему потребностей потенциальных клиентов. Но считалось возможным упорядочить взаимоотношения и практику кредитования путем сосредоточения всех операций по каждому отдельному клиенту в одном месте. В условиях свободы рыночных отношений такая ситуация привела к тому, что вся клиентура стремилась разместить денежные средства в том банке, где учетные ставки по кредитам были наименьшими. Приведем характеристику ситуации по г. Сарапулу: «...в городе довольно-таки незначительном, кроме Госбанка, есть еще и Комбанк, и Сельскохозяйственный банк, и Промбанк, и даже ОВК. В сущности, выходит, что на каждую основную торгующую или имеющую право на получение банковского кредита организацию приходится по банку. Отсюда и все последствия...»<sup>24</sup>. Последствия выражались в сокращении баланса отделения Госбанка, в оттоке клиентуры в пользу спецбанков.

Множество подтверждений этому положению находим в протоколах заседаний правления Уральской краевой конторы (УКК) Госбанка. «На местах Государственный банк конкурирует с спецбанками, неизбежно поддерживая, а иногда толкая спецбанки на уродливые проявления этой конкуренции. В какой-то мере это отражается на кредитной работе, совершенно ясно. В одних случаях происходит перегрузка кредитов («интересных» клиентов), в других случаях недогрузка, переадресовка из банка в банк («неинтересных» клиентов). Плановое обслуживание хозяйства от этого не выигрывает»<sup>25</sup>.

Поэтому уже в 1927 г. сложившаяся финансово-кредитная система рассматривалась как избыточная и нуждающаяся в реорганизации. Во-

прос о рационализации кредитной сети был поднят в центральных органах. В ответе на запрос правления Государственного банка инспекция УКК рекомендовала сократить сеть кредитных учреждений и представить ее следующим образом: 20 учреждений Госбанка, 3 (минус 4 филиала) — Промбанка, 3 (-1) — Всекобанка, 12 филиалов Уралсельхозбанка, 2 (-3) — Комбанка, 5 (-6) ОВК. Всего рекомендовалось сохранить 45 учреждений и 14 сократить. При этом делался вывод, что при таком положении сеть кредитных учреждений значительно бы оздоровилась<sup>26</sup>. При полном сохранении сети Госбанка и Сельхозбанка планировалось наиболее значительное сокращение ОВК, филиалов Промбанка, Комбанка и Всекобанка. Самого серьезного конкурента в лице Промбанка планировалось подвергнуть наибольшему сокращению.

Говорить об избыточности кредитного аппарата на Урале можно лишь с известными оговорками. Конкуренция (порой недобросовестная) между кредитными организациями возникала в борьбе за наиболее крупных и перспективных клиентов (тресты, синдикаты, торги). Помимо банковского процента, они сулили привлечение больших средств, распределяемых через бюджет, обязывались хранить всю наличность в учреждениях банка, что позволяло использовать остатки на счетах. В то же время параллельно с этой «банковской войной» крупных игроков мелкотоварный уклад постоянно ощущал дефицит не только средств (он был хроническим для экономики в целом), но и дефицит кредитных механизмов, отсутствие оптимальных по своим условиям, учитывающих специфику деятельности мелкой кустарной промышленности и торговли — механизмов кредитования. Это было следствием, во-первых, идеологической установки, закрепляющей за частным сектором хозяйства характеристику кредитора «третьего сорта», а в качестве приоритета определявшей развитие обобщественного сектора хозяйства, во-вторых, доминирование государства в экономике предопределяло концентрацию капитала (вопрос о децентрализации кредита поднимался неоднократно и решен не был) и, в-третьих, издержки бюрократической системы, управлявшей этими процессами, снижали эффективность и ограничивали кредитования на низовом уровне.

При создании Государственного банка в 1921 г. в качестве его клиентов рассматривался исключительно обобщественный сектор. Но экономическая ситуация диктовала необходимость расширения сферы применения кредита, включение в нее частника, создание негосударственных финансово-кредитных организаций.

Народный комиссар финансов Н. Крестинский в сентябре 1921 г. отмечал: «...поскольку мы разрешили частную промышленность и торговлю, поскольку мы заинтересованы в их развитии, — мы должны им помочь и дать кредит, — правда, не благотворительный кредит, а безубы-

точный, дающий прибыль государству»<sup>27</sup>. На протяжении периода НЭПа это правило соблюдалось, что дает нам основание утверждать, что принципы банковского кредита в наиболее полной мере были реализованы именно в отношении частной клиентуры. Кредитование государственного и кооперативного торговых аппаратов, имевших ряд льгот и привилегий, могло быть «целесообразным» и «благотворительным».

Предоставление кредитов частным лицам со стороны Государственного банка было сопряжено с рядом условий. Это должен был быть «здоровый» частник, выполняющий социально-значимую функцию, исключались всякого рода посредники между государственными предприятиями, спекулянты и т. п.

«Разрешение кредитов частным организациям и лицам, — говорилось в циркуляре правления Госбанка от 7 сентября 1922 г., — допускается в тех случаях, когда таковые или непосредственно являются производителями товарных ценностей, или же собирателями таковых от мелких производителей, или распределителями товаров среди населения. Частные посредники между правительственными учреждениями, предприятиями, трестами и кооперативными учреждениями к пользованию кредитами в той или иной форме под векселя в Государственном банке не допускаются»<sup>28</sup>. Вполне понятна причина, побудившая издать подобный циркуляр, но, с другой стороны, допущение частного предпринимательства было обусловлено не столько дефицитом ресурсов (которые в ходе национализации практически полностью перешли под контроль государства), сколько неспособностью организовать их эффективное использование.

Неизменными атрибутами кампаний государства в отношении частного являлись «перегибы на местах», по сути — стахановские методы работы управленцев. Кроме того, создается впечатление, что местные власти были более консервативны и не могли радикально, одномоментно менять свою политику. До них «новая линия партии» доходила с некоторым опозданием. Именно чрезмерное рвение руководителей на местах могло привести к прямо противоположным результатам. По собственной инициативе в некоторых местных учреждениях Госбанка учетно-ссудные комитеты отклоняли все ходатайства частных лиц о кредите и настаивали на проведении принципиальной точки зрения о недопустимости кредитования частной торговли и промышленности<sup>29</sup>.

Реагируя на эту позицию (которая выглядит более последовательной и логичной в условиях диктатуры пролетариата), правление Госбанка прибегает к развернутой аргументации, призванной доказать целесообразность кредитования частного.

«Испытываемое страной бестоварье и в особенности нужда в предметах крестьянского обихода и хозяйства неизбежно вынуждают органы государственной власти приветствовать всякую инициативу в области



производства и товарооборота, от кого бы она ни исходила. Что касается условий, на которых имеет протекать кредитование частных лиц, необходимо принять, как общее правило, что условия эти должны быть для частных лиц менее льготными, чем для государственной и кооперативной клиентуры. Ставки учетного и ссудного процентов и комиссии должны быть для частной клиентуры выше, чем для прочей. Однако правление считает необходимым предостеречь руководителей филиалов от увлечения высоким размером этой разницы в процентах и комиссии, так как не следует забывать что вызываемое высокими в пользу Банка накладными расходами вздорожание товаров в конечном счете падает всей своей тяжестью на потребителя и, главным образом, на крестьянство... Таким образом, предлагаемое некоторыми Учетно-Ссудными Комитетами исключение частных лиц из круга кредитруемых Госбанком клиентов должно быть решительно отвергнуто»<sup>30</sup>.

Очевидно, что основным получателем кредита на Урале являлся обобщественный сектор в промышленности и торговле (государство и кооперация), на которые приходилось до 91% общей суммы кредита. Доля частника была минимальной. Так, на 1 июля 1925 г. она составляла 0,2%, а на 1 октября 1925 г. — 0,8% к общему итогу<sup>31</sup>.

Кредитный план четвертого квартала 1924/25 г. содержал в себе следующие положения: «...всемерно оказывая кредитную поддержку государственной и кооперативной торговле и содействуя укреплению ее позиции, банки одновременно должны, в целях увеличения общего товарооборота, вести и кредитование здоровой частной торговли и промышленности. Помимо этого, в наиболее крупных пунктах Урала с развитым товарооборотом должна быть вызвана инициатива по организации частного торгового капитала в общества взаимного кредита»<sup>32</sup>.

Когда рассматривают долю частной клиентуры, то прежде всего имеют в виду частную торговлю, т. к. частная промышленность играла весьма незначительную роль. «На протяжении всего времени происходило непрерывное понижение ее значения и неуклонный рост значения частной торговли»<sup>33</sup>. Это объясняется наличием капиталов в частной торговле, т. к. активные операции банка ставились в зависимость от пассивных (участие в уставном капитале банков, остатки на текущих счетах). В целом, частная промышленность не получила столь мощного развития как торговля, т. к. требовала большего вложения средств, была менее мобильна и менее доходна. Отметим также, что в провинции доля кредитов частной промышленности была выше, т. к. на местах органы власти проявляли заинтересованность в существовании производств, которые позволяли решить местные проблемы (мельницы, пекарни, предприятия бытового обслуживания).

Неоднократно проводилось сравнение динамики частного капитала в различных отраслях хозяйствования, при этом кредитная сфера находилась в аутсайдерах. «Удельный вес частного капитала в нашей кредитной системе во много раз меньше его удельного веса в промышленности и особенно в торговле, где, несмотря на трудности проникновения и целый ряд ограничительных законов, все же частный капитал не только пробивает себе дорогу, но даже в некоторых случаях успешно конкурирует с госторговлей и кооперацией, постепенно расширяя сферу своего влияния. Причины этого явления заключаются в недостаточном привлечении “чужих” средств в частных кредитных учреждениях»<sup>34</sup>.

«Восстановление кредита на Урале до довоенного уровня, несмотря на значительность сделанных достижений, много отстает от роста всего уральского хозяйства, и в частности от роста восстановления промышленности, сельского хозяйства, товарооборота области, вследствие чего хозяйство Урала чувствует постоянный недостаток в кредите»<sup>35</sup>. Говорить о «восстановлении кредита до довоенного уровня» — было бы явным преувеличением, в связи с тем, что «номинально, с недоучетом степени падения покупательной способности червонного рубля, пассивы современных кредитных учреждений Урала составляли 30,1% и активы 54,2% довоенных, а при переводе в довоенные рубли (по оптовому индексу Госплана на 1 апреля 1925 г. — 10 руб. = 5 р. 14 коп.) пассивы составят 15,4%, а активы 26,8% довоенных. В области кредита на Урале налицо гораздо менее значительная степень восстановления довоенного уровня, чем во всех основных отраслях народного хозяйства. Отмеченное явление не представляет собой специфической особенности уральской экономики, т.к. в общем и целом банковские активы и пассивы в общесоюзном масштабе достигают примерно такого же уровня, что и на Урале, и поэтому в настоящее время удельный вес их по Уралу в отношении к общегосударственным по сравнению с довоенным временем не только не падает, но даже несколько возрастает»<sup>36</sup>. По активам и пассивам рост составил 1% той доли, которую Урал занимал в общем балансе кредитных учреждений дореволюционной России. Однако увеличение доли Урала при общем падении размеров активов и пассивов можно объяснить «сжатием» России, и, как следствие, удельный вес, масса Урала в новых границах существенно возросли.

Особо следует отметить, что различия с довоенным уровнем особо разительны в сфере мелкого кредита. «Учреждений мелкого кредита в общей совокупности насчитывалось 1181, из них кооперативных — 790 (кредитные товарищества — 731; ссудосберегательные товарищества — 57; союзы учреждений мелкого кредита — 2), сословных — 381 и земских касс мелкого кредита — 10»<sup>37</sup>. Напомним, что в 1927 г. на Урале насчитывалось лишь 11 ОБК.

**Виды и условия кредитования.** В условиях падающей валюты преобладающей формой кредитования являлся подтоварный кредит, имевший реальное обеспечение. Производился он в форме открытия специальных текущих счетов под товары и товарные документы, выдачи срочных ссуд под них и выдачи товарных аккредитивов. Преобладающей формой являлись специальные текущие счета, а срочные ссуды получили распространение в отделениях Госбанка. В 1922 г. из общей суммы подтоварных кредитов на долю правления приходилось 20%, а более 80% кредитов было предоставлено отделениями Государственного банка<sup>38</sup>. Это свидетельствует о дефиците финансовых ресурсов в провинции.

Условия предоставления кредита в 1922 г. заключались в следующем: «Предоставляя товарный кредит частной клиентуре, Госбанк требовал от нее большего обеспечения и больших гарантий в отношении хранения заложенных товаров. Если обеспечение подтоварных кредитов госорганов и кооперации превышало их задолженность на 30–50%, то в отношении частных лиц это превышение было в несколько раз больше. Кроме того, госорганам и кооперации предоставлялось право хранения товаров на собственных складах под сохранную расписку. Лишь в редких случаях предъявлялись требования хранения этих товаров на складах Банка, либо на складах заемщика, но под наблюдением и контролем банковского артельщика. В отношении же частных лиц применялась почти исключительно последняя мера»<sup>39</sup>. «Производственно-целевые кредиты ... которые не играли заметной роли в кредитовании частной клиентуры, предоставлялись Госбанком на особых условиях. ... Банк обычно выговаривал себе право на известную часть прибыли от реализации товаров или же обуславливал возврат ссуды продукцией заемщика. Из частной клиентуры этим кредитом пользовались исключительно частные промышленные предприятия, главным образом по обработке бумаги, а также издательские объединения»<sup>40</sup>.

В Москве, где денежное обращение получило большее развитие, активно применялся вексель, в то время как в провинции сказывались как дефицит финансовых ресурсов, так и запаздывание с введением новых финансовых инструментов. Развитие товарно-денежных отношений повлекло за собой и реанимацию векселя. Одним из самых популярных видов кредитования частника стал вексельный кредит, который предполагал учет векселей и специальных текущих счетов под векселя. Правовой основой функционирования векселя в Советской России было принятое 20 марта 1922 года Положение о векселях<sup>41</sup>, в основу которого был положен Вексельный устав 1902 г.

«Развитие вексельного кредита есть несомненно весьма благоприятный с экономической точки зрения факт, — отмечал в своей статье А.А. Дезен, — так как способствует продаже товаров в кредит и ускоре-

нию товарного оборота, в то время как подтоварный кредит иногда, наоборот, позволяет задерживать товары на складах»<sup>42</sup>. Отмечая динамику развития вексельного рынка, наличие всех атрибутов, присущих этому платежному средству, исследователи высказывают сомнения и тревогу по поводу качества этих финансовых инструментов. «Краткие сроки векселей (средний срок не превышал три месяца, что ниже, чем в дореволюционной России. — А. К.) и несколько передаточных надписей и то обстоятельство, что большинство наших векселей имеют местом платежа Москву (концентрация торговых организаций. — А. К.) и круглую сумму валюты в платеж и т. д. — все это свидетельствует о том, что наши вексельные портфели несомненно страдают искусственностью и что тут также сказывается воздействие нашего кредитного аппарата, который весьма быстро и решительно захотел достигнуть тех успехов, которые требуют достаточно длительной подготовки. С другой стороны, весьма громоздкая система наших торговых организаций, нуждающихся в оборотных средствах, всячески развивала и, может быть, не всегда естественно этот свой вексельный оборот»<sup>43</sup>.

Характеристика кредитной политики государства может быть дана и при анализе процентных ставок. В начале своей деятельности Госбанком был установлен дисконтный процент в размере 8% для государственных органов, 10% — для кооперации и 12% для частных лиц. Затем базовая ставка была повышена до 12–18%, с пропорциональным увеличением по категориям заемщиков. В период стабильности на денежном рынке Госбанк снизил ставку до 2%. Кредит был выгоден для клиентов по двум основаниям: во-первых, обесценивание денег шло более ускоренными темпами, и, во вторых, величина рыночного учетного процента достигала 30% в месяц<sup>44</sup>. С введением устойчивой валюты ставки стабилизировались, но по-прежнему дифференцировались в зависимости от формы собственности заемщика.

Ставки Госбанка в 1924 г. для частной клиентуры превышали ставки, применяемые к государственным организациям и кооперации, на 16–36%, в зависимости от формы кредитования. В Промбанке и Мосгорбанке это превышение было больше и колебалось в пределах 50–100%. Дисконтная политика банков в отношении частной клиентуры определялась формой предоставления кредита. Наименьшая разница между ставками была по вексельному кредиту, свидетельствующему о реальных заключенных сделках и о продвижении товаров. Наоборот, товарный кредит, при котором товар не проходил известный этап на пути своего продвижения от производителя к потребителю, а находился без движения, мог повлечь за собой увеличение этой разницы. Так, если по Госбанку разница между процентной ставкой по учету векселей госорганов и частных

лиц определялась в 25%, то по срочным ссудам под товары она составляла 35%<sup>45</sup>.

При рассмотрении практически всех экономических показателей, при анализе функционирования финансовых институтов и инструментов в условиях новой экономической политики мы вынуждены делать уточнения, оговорки, пояснения, что имеется в виду. Дело в том, что по сути своей рыночные механизмы использовались в специфических условиях и в ограниченном объеме. Уместно будет привести оценку современного рынка ценных бумаг, высказанную отечественным аналитиком. На вопрос, есть ли в России рынок ценных бумаг, он утвердительно ответил: «Есть. Но это демонстрационная версия!» Аналогичная ситуация складывалась в годы НЭПа. Как отмечали сами современники, дисконтная политика носила весьма специфический характер; чтобы это доказать, проводится сравнение со странами Запада или дореволюционным опытом. «Если там в те или иные моменты, путем повышения или понижения учетного процента можно было достигнуть того или иного экономического эффекта, в смысле расширения или сужения сферы кредита, в смысле того или иного воздействия на денежный рынок и т. д., то практика последних двух лет (1923–1924 гг. — А. К.) прекрасно подтвердила, что в наших условиях такой тонкий механизм, как арсенал средств дисконтной политики, значительного влияния не имеет, а все ее влияние чрезвычайно ничтожно. Ибо при абсолютном и относительном недостатке капиталов, при котором нам приходится жить и действовать, повышение или понижение процента на 1 или 2 в месяц, естественно, не играет какой-нибудь заметной роли»<sup>46</sup>. Абсолютно исключить роль процентной политики было бы неверно, вопрос был в порядке цифр, в более «грубой» дифференциации ставок.

Определение кредитоспособности заемщика является основой банковского кредитования. Однако и здесь проявляется специфика. «...Самое понятие кредитоспособности приобретает совершенно иное значение: кредитоспособным у нас признается не то предприятие, которое по своему балансу заслуживает доверия, а то, которое, по тем или иным заданиям, связанным с общей экономической политикой, правительство считает желательным финансировать (именно финансировать, а не кредитовать. — А. К.)»<sup>47</sup>.

**Общества взаимного кредита.** Вопрос о монополии Государственного банка был поставлен практически сразу же после его воссоздания. Уже в декабре 1921 г. в тезисах Госбанка, с которыми выступил А.Л. Шейнман на Финансовой конференции, говорилось: «Имея в виду, что Госбанк, в качестве единственного носителя кредитных функций в стране, не справится с кредитными запросами мелкой и средней про-

мышленности и торговли, должно быть допущено образование обществ взаимного кредита. Обществам этим должно быть предоставлено право производства банковских операций в ограниченном виде. Уставы обществ должны утверждаться Наркомфином. С той же целью развития кредитной периферии Госбанка должно быть допущено образование частных кредитных институтов, при условии известного в них участия государства в той или иной форме»<sup>48</sup>.

Острая нехватка капиталов была характерна для всего периода существования частной торговли. Торговые предприятия, занимавшиеся оптово-розничным посредничеством и по объему своей работы приближавшиеся к кооперативным союзам (и даже наиболее крупные из них, как, например, городские предприятия 5-го разряда), были в 3–4 раза меньше обеспечены средствами, чем районные сельскохозяйственные союзы<sup>49</sup>. Этим объясняется тяготение отдельных предпринимателей к объединению своих капиталов в товарищеские предприятия. Особенно этот процесс был характерен для городских поселений.

Чтобы усилить привлечение средств частного капитала в организованный хозяйственный оборот, в 1922 г. была разрешена организация мелких частных паевых кредитных учреждений — Общество взаимного кредита частных торговцев и промышленников (ОВК)<sup>50</sup>, а также ссудосберегательных и кредитных обществ (декрет от 27 января 1922 г.)<sup>51</sup>.

Широко распространенные ОVK пред назначались для кредитования частной промышленности и торговли, городских кооперированных ремесленников и кустарей. Надзор за их деятельностью осуществлял Народный комиссариат финансов, а контроль за кредитными операциями — Госбанк. В функции Наркомфина входило также решение вопросов об организации новых обществ и ликвидации существующих в случае нарушения ими устава или осуществления спекулятивных операций; определение размера кредитов, предоставляемых членам обществ; установление минимального уровня процента по ссудным операциям. Сводный баланс 55 ОVK на 1 января 1924 г. выражался в 9 794 тыс. руб. и составил только 0,8% сводного баланса этих обществ на 1 января 1913 г.<sup>52</sup> К концу 1925 г. по всему Союзу их насчитывалось 172. При этом следует отметить, что на начало 1925 г. их было всего 86<sup>53</sup>.

На Урале первое ОVK появляется 16 марта 1924 г. — Пермское общество взаимного кредита. Его баланс на 1 октября 1924 г. составил 48,3 тыс. рублей.<sup>54</sup> Новая полоса в развитии ОVK на Урале начинается с конца 1925 г., когда в течение одного последнего квартала, после довольно продолжительного существования одного только Пермского ОVK возникают одно за другим Сарапульское (9 июля) и Свердловское (17 августа). Сводный баланс трех обществ на 1 октября составил 314,1 тыс. рублей. Последующее увеличение количества ОVK на Урале таково: к

1 ноября 1925 г. — 5, к 1 января 1926 г. — 7, к 1 апреля 1926 г. — 9, к октябрю 1926 г. — 11. Сводный баланс всех открытых ОВК на 1 апреля 1926 г. составил 803,9 тыс. рублей. Самым мощным по величине баланса было старейшее из них — Пермское ОВК (в 1926 г. — 28,8%; в 1927 г. — 34%). К началу 1927 г. в число сильнейших выбивается и Свердловское ОВК (в 1927 г. — 23%)<sup>55</sup>. Наиболее слабыми были Тобольское и Верхнеуральское общества.

Основным кредитором всех ОВК выступал Госбанк. Но уже в 1926/27 операционном году постепенно начинается ослабление их зависимости от банков. Удельный вес займов резко падает с 33 до 19%<sup>56</sup>.

Уменьшение вкладных и учетно-ссудных операций частных лиц в уральские государственные и кооперативные банки было незначительным, т. к. они имели свою устойчивую клиентуру, и лишь часть ее поддавалась воздействию ОВК. Вовлечение денежных средств шло в основном за счет мобилизации новых, незадействованных ресурсов. Именно это позволило банкам расширить кредитование частных хозяйств в соответствии с их возросшими потребностями, переложив при этом лишь часть кредитования на ОВК.

Основную массу членов обществ составляли торговцы-розничники, кустари и ремесленники. Они являлись базовым элементом в ОВК как по количеству, так и по удельному весу в составе всех операций. Удельный вес наиболее зажиточных торгово-промышленных групп — оптово-розничной торговли и промышленности — был невелик (8,1%). Однако они интенсивнее, чем другие социальные группы, участвовали в обороте средств обществ и получали значительную долю ссуд (39,7% по данным 1925/26 г.)<sup>57</sup>.

На первом месте по размерам кредитования ОВК стояли пищевая, торговая и кожевенная промышленности. Менее всего кредитовались хлебофуражная, деревообрабатывающая и лесная промышленности.

Считаем необходимым отметить, что в сводном балансе всех ОВК СССР уральские общества занимали незначительное место — всего порядка 4,1%<sup>58</sup>. Столь ничтожный вес их объяснялся слабым развитием частного оптового оборота на Урале по сравнению с Союзом.

Размер, разумеется, имеет значение, однако в кризисных условиях роль ОВК была намного выше. Взаимообусловленность всех элементов экономического механизма наглядно показан в работах 1920-х гг. Так, например, кризис сбыта 1923 г. был объяснен негативным влиянием частного капитала, что повлекло за собой санкции в отношении его, в том числе усиление налогового пресса и резкое сокращение кредита. В поисках денежных ресурсов частник обратился к ОВК, что и вызвало их бурный рост. По мнению одних исследователей, ОВК сыграли роль буфера, сгладили денежный дефицит, взяли на себя основные риски по

кредитованию частника<sup>59</sup>. Напротив, А.А. Дезен, например, считает, что ОВК со своей задачей не вполне справились, в результате произошло дальнейшее свертывание торговой деятельности<sup>60</sup>.

При реализации государственных займов необходимо было ориентироваться на стоимость кредита на черном рынке. В свою очередь, конкурентом ростовщиков выступали ОВК. Расширение предложения со стороны последних автоматически приводило к снижению процентов на черном рынке. Деятельность ОВК, которая регулировалась государством, позволяла сократить теневой денежный оборот, сделать его более прогнозируемым, давала возможность проводить более взвешенную эмиссию облигаций, укрепляла положение червонца. Можно провести сравнение с политикой государства по отношению к кооперации в целом, которая была предпочтительнее, чем масса единоличных хозяйств.

И если Государственный банк и ряд спецбанков олицетворяли собой государственный капитализм, то ОВК, ссудосберегательные товарищества — кооперативный уклад в кредитной системе государства. Именно на таком определении места ОВК настаивали сами члены обществ.

В мае 1925 г. в Москве проходило Первое Всесоюзное совещание представителей ОВК, когда ОВК были на подъеме, строились весьма оптимистические планы на будущее. Резолюция по докладу председателя Бюро ОВК конкретизирует общие пожелания в совершенно четкие, порой весьма радикальные предложения. Например, поднимается вопрос об отнесении ОВК к обобществленному сектору хозяйства, буквально говорится следующее: «...Совещание поручает Бюро добиваться признания ОВК организациями общественно-правовыми, соответственно их внутренней сущности»<sup>61</sup>. Как следствие — предлагается унифицировать условия кредитования ОВК, государственного сектора и кооперации.

Многоукладность, характерная для периода НЭПа, охватывала как процессы производства и распределения, так и кредитования. Вполне естественно, что в отношении последнего государство традиционно выступает естественным монополистом по целому ряду характеристик.

**Кредит-Бюро.** Вопрос о воссоздании сегодня кредитных бюро, которые занимались бы сбором информации о кредитоспособности клиентов в пределах определенного региона, поднимается в банковских кругах уже давно. Есть необходимость дополнить инфраструктуру банковского сектора еще одним элементом, который доказал свою эффективность в прошлом. Однако в поисках аналогов обращаются (по традиции) исключительно к опыту западных стран<sup>62</sup>.

Созданное первоначально как государственное предприятие и подчинявшееся Наркомвнуторгу, впоследствии Кредит-Бюро было преобразовано в акционерное общество (Устав был утвержден СТО 21 октября



1924 г.). Учредителями общества являлись Нарковноторг СССР, Промбанк и Мосгорбанк. Акционерами, помимо учредителей, являлись: Совет съездов биржевой торговли, Московская товарная биржа, Электробанк, Среднеазиатский банк, Всекобанк.

Деятельность общества заключалась в трех основных операциях: 1) выдача справок о кредитоспособности; 2) производство взысканий по судебным приказам, исполнительным листам, опротестованным векселям и другим документам; 3) проверка транспортных документов в целях выявления законности получения органами транспорта провозной платы и предъявления к ним претензии в случае перебора, просрочки и ущерба. В соответствии с основными целями общества формировалась и структура его отделений: отдел справок, отдел взысканий и отдел железнодорожных претензий<sup>63</sup>.

Применительно к нашей теме деятельность Кредит-Бюро представляет интерес в связи с тем, что в состав его клиентуры входили частные торговцы. В отчетах правления АО «Кредит-бюро» содержатся данные по филиалам, в том числе по Урало-Башкирскому филиалу, чья деятельность распространялась не только на территорию Уральской области, но и выходила за ее пределы. Есть возможность сопоставить «кредитную активность» в различных регионах страны исходя из объемов обработанных запросов, рассмотреть долю частной клиентуры в общем составе клиентов, проанализировать реакцию участников кредитных отношений на мероприятия властей, направленных, в частности, на свертывание частного сектора хозяйства<sup>64</sup>.

Урало-Башкирский филиал занимал в 1926/27 г. шестое место по размерам оборота (88 886,42 руб.) и пятое место по численности персонала (30 человек). В 1926/27 г. был открыт Башкирский филиал (4 974,98 руб. оборота при 5 сотрудниках), который должен был сузить территориальные рамки деятельности Урало-Башкирского филиала<sup>65</sup>.

В 1926/27 г. увеличилось количество архивных запросов, которые должны были раскрыть кредитную историю клиентов. Причиной этого, по мнению авторов отчета, послужило ухудшение в положении частного рынка, что заставляло чаще проверять состояние частных фирм. Политика государства подрывала доверие к частнику как надежному заемщику, увеличила риски его кредитования. В целом, доля справок по объектам распределялась следующим образом (о средних показателях — см. данные по некоторым филиалам в табл. 2.)

Из приведенной таблицы следует, что доля частника, который рассматривался бы в качестве объекта исследования, в Урало-Башкирской конторе была минимальной — 9%. Это самый низкий показатель для 1925/26 г. в целом по всем филиалам. В 1926/27 г. доля частника выросла, но по-прежнему оставалась незначительной, на таком же уровне был

представлен частник только лишь в Башкирском агентстве. Это подтверждает тезис о том, что одной из региональных особенностей Уральского региона являлось слабое развитие частного предпринимательства.

Т а б л и ц а   2

*Динамика предоставления справок по формам собственности объекта  
за 1925/26 – 1926/27 гг. по отдельным филиалам и в целом  
по АО «Кредит-Бюро» (%)\**

№ п/п	Наименование филиалов	1925/26			1926/27		
		Гос.	Общ.	Част.	Гос.	Общ.	Част.
1	Московское отделение	32	45	23	33	46	21
2	Северо-Западная контора	28	44	28	30	44	26
3	Украинская контора	22	51	27	22	41	37
3	Нижне-Волжская контора	18	64	18	18	67	15
5	Сибирская контора	32	51	17	25	54	21
6	Урало-Башкирская контора	23	68	9	25	61	14
7	Башкирское агентство	—	—	—	14	72	14
В целом по 21 филиалу		23	47	30	24	40	30

\* Составлено по: РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 1. Д. 23а. Л. 10–11.

Кредит как форма движения ссудного капитала должен обеспечивать эффективное функционирование экономики на различных уровнях, стимулировать производство, обеспечивать оптимальный уровень потребления и т. п. Кредит в условиях НЭПа, помимо традиционных функций, экономических по сути, выполнял также функцию политическую. Он, наряду с фискальной политикой, должен был способствовать перетеканию средств из частного в обобществленный сектор хозяйства. Практически все работы этого периода акцентируют внимание именно на этой, главной, по мнению исследователей, задаче. То, что современному читателю кажется необъяснимым, прежде всего противоречащим принципу равенства налогообложения, осознавалось как вполне естественное экономическими субъектами в 1920-е гг. Отсюда и специфика, особенность кредитно-финансового механизма периода НЭПа, когда при внешне рыночных формах широко использовались административные рычаги. Этим вполне можно объяснить плавность и безболезненность проведения кредитно-финансовой реформы 1930–1932 гг.

Первым шагом в реорганизации кредитно-денежной системы был декрет ЦИК и СНК СССР от 15 июня 1927 г. «О принципах построения кредитной системы», который, впрочем, не касался кредитно-кооперативных и государственных сберегательных касс<sup>66</sup>. Согласно ему были уточнены компетенция и взаимоотношения между отдельными кредитными учреждениями. Декрет был направлен в первую очередь на усиление централизованного планового руководства кредитной системой

и доминирующей роли в ней Госбанка. В соответствии с ним на Государственный банк возлагалось кредитование всех кредитных учреждений, хлебозаготовительных и сырьевых операций, транспорта, государственных торговых предприятий общесоюзного и республиканского значения и торговых акционерных обществ. Исключение составили некоторые синдикаты, крупнейшие тресты союзного и республиканского значения, наиболее крупные кооперативные организации.

В 1928–1929 гг. были предприняты решительные мероприятия по устранению конкуренции между отдельными банками. Было проведено более четкое размежевание клиентуры. Местные банки (Уралсельхозбанк и Комбанк) окончательно обратились в банки, обслуживающие местное хозяйство по своей ведомственной принадлежности.

Наряду с этим произошла ликвидация филиалов Промбанка на Урале. Краткосрочные пассивы и активы Уральской конторы Промбанка были переданы Госбанку. Таким образом, напряженная борьба, которая велась между этими двумя структурами, закончилась.

Целенаправленное свертывание НЭПа в стране шло по всем направлениям. С начала 1930-х гг. происходит почти полное вытеснение частного капитала из различных секторов экономики, наблюдается быстрый рост обобщественного сектора в сельском хозяйстве (коллективизация). В целом, все это означало ликвидацию специфических кредитных функций банков и превращение банковского кредитования в разновидность государственного планового финансирования, тем самым было предопределено проведение кредитной реформы.

Кредитная реформа 1930–1932 гг. преследовала две главных цели: установление принципа централизации в работе банков и концентрация кредитного, расчетного и кассового обслуживания народного хозяйства в одном общенациональном банке. Исходя из этих целей, она проводилась по следующим направлениям:

- ликвидация взаимного товарного кредитования и замена коммерческого кредита банковским;
- сосредоточение в одном Госбанке ресурсов для краткосрочного кредитования;
- превращение безналичных расчетов, осуществлявшихся с помощью банков, в основной вид денежных расчетов между предприятиями и организациями при минимальном использовании наличных денег;
- перестройка банковского аппарата по функциональному признаку с четким разграничением функций по краткосрочному кредитованию производства и долгосрочному кредитованию капитальных вложений<sup>67</sup>.

Суть реформы определяла тенденция к слиянию кредитно-денежной системы и финансов отдельных отраслей хозяйства, что должно было

повлечь за собой «вымывание» специфических кредитных форм и методов работы банка. Каждому предприятию открывался единый текущий счет, куда зачислялись и выручка от реализации продукции, и предоставляемые ссуды. Тем самым была создана возможность контролировать финансовую деятельность своих клиентов, обеспечивать возвратность кредитов.

В заключение отметим, что негативный опыт все же лучше, чем его полное отсутствие. Россия в целом и Урал в частности, имея многовековую историю, богаты яркими событиями прошлого, которые могут быть весьма поучительны. Поэтому изучение кредитно-финансовой системы НЭПа в ее взаимоотношениях с частной торговлей, анализ ее влияния на промышленность и в целом исследование феномена новой экономической политики как политики переходного периода — в настоящее время являются весьма актуальными проблемами. Особенно ценным, на наш взгляд, является теоретическое осмысление процессов, которое, к сожалению, не всегда реализовывалось на практике.

---

<sup>1</sup> См. об этом: ГАСО. Ф. 241-р. Оп. 2. Д. 2732. Л. 92.

<sup>2</sup> Там же. Ф. 56-р. Оп. 2. Д. 1 «а» Л. 6/н — С.15.

<sup>3</sup> Там же. Ф. 241-р. Оп. 2. Д. 2732 Л.91.

<sup>4</sup> Там же. Ф. 56-р. Оп. 2. Д. 1 «а» Л. 6/н — С.13.

<sup>5</sup> Там же. Ф. 241-р. Оп. 2. Д. 2732 Л.92.

<sup>6</sup> Там же. Ф. 56-р. Оп. 2. Д. 1 «а» Л. 6/н — С.12.

<sup>7</sup> Цит. по: *Шепелев С.Т.* Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. Л., 1987. С. 71–72.

<sup>8</sup> *Антонов Д.* Уральский торговый аппарат // *Хозяйство Урала*. 1928. № 5–6. С. 35.

<sup>9</sup> *Жирмунский М.М.* Частный торговый капитал в народном хозяйстве СССР. М., 1927. С. 57–58.

<sup>10</sup> *Брауде Х.И.* Частная торговля // Частный капитал в народном хозяйстве СССР: Материалы комиссии ВСНХ СССР. Ч. 1. М.; Л., 1927. С. 124–125.

<sup>11</sup> См.: *Исутов Г.* Частный капитал в торговле Урала // *Хозяйство Урала*. 1928. № 5–6. С. 24.

<sup>12</sup> См.: *Исутов Г.* Частный капитал в торговле Урала // *Хозяйство Урала*. 1928. № 5–6 ; *Падучев Г.П.* Частный торговец при новой экономической политике (по данным бюджетного обследования). Воронеж, 1926.

<sup>13</sup> См.: *Антонов Д.* Указ. соч. С. 43.

<sup>14</sup> ГАСО. Ф. 241-р Оп. 1 Д. 526. Л. 3.

<sup>15</sup> См.: *Антонов Д.* Указ. соч., С. 43.

<sup>16</sup> *Брауде Х.И.* Указ. соч., С. 148.

<sup>17</sup> *Исутов Г.* Указ. соч., С. 28–29.

- 
- <sup>18</sup> Там же. С. 27.
- <sup>19</sup> См., например: ГАСО. Ф. 88-р. Оп. 6. Д. Д. 507, 508, 556, 623, 706, 731.
- <sup>20</sup> *Лурье Е.С.* Современные русские банки // Финансы и денежное обращение в современной России. Л.; М., 1924. С. 69–70.
- <sup>21</sup> См.: *Мамиконов А.Л.* Кредит на Урале в 1925–1926 гг. // Весь промышленный и торговый Урал, 1927. С. 35.
- <sup>22</sup> См.: Там же.
- <sup>23</sup> ГАСО. Ф. 56-р. Оп. 1. Д. 437. Л. 15.
- <sup>24</sup> Там же. Л. 51.
- <sup>25</sup> *И.Р.* Госбанк и коммерческий кредит: (В порядке дискуссии) // Хозяйство Урала. 1925. № 3. С. 140.
- <sup>26</sup> См.: ГАСО. Ф. 56-р. Оп. 1. Д. 437. Л. 19.
- <sup>27</sup> Цит. по: *Фридман С.Л.* Частный капитал на денежном рынке / Материалы по обследованию роли частного капитала в хозяйстве Союза. Вып. 2, М., 1925. С. 6.
- <sup>28</sup> Там же. С. 14.
- <sup>29</sup> См.: Там же. С. 30.
- <sup>30</sup> Там же. С. 31–32.
- <sup>31</sup> *Попов Я.* Вопросы кредита на Урале // Хозяйство Урала. 1925. № 1. С. 104.
- <sup>32</sup> Там же. С. 107–108.
- <sup>33</sup> *Фридман С.Л.* Указ. соч. С. 48.
- <sup>34</sup> Там же. С. 57.
- <sup>35</sup> *Попов Я.* Указ. соч. С. 103.
- <sup>36</sup> *М-ов А.* Развитие банковского кредита на Урале // Хозяйство Урала. 1925. № 8. С. 93. Возможно, автором данной статьи является ответственный работник Уральской краевой конторы Госбанка А.Л. Мамиконов.
- <sup>37</sup> Там же. С. 92.
- <sup>38</sup> *Дезен А.А.* Кредит // На новых путях: (Итоги новой экономической политики 1921–1922): Труды / Под ред. В.П. Милютин. Вып. 2. Финансы. М., 1923. С. 204–205.
- <sup>39</sup> *Фридман С.Л.* Указ. соч. С. 21–22.
- <sup>40</sup> Там же. С. 22.
- <sup>41</sup> Положение о векселях // Собрание кодексов РСФСР. 2-е изд. Т. 1. М., 1923. С. 305–310.
- <sup>42</sup> *Дезен А.А.* Кредит. С. 205.
- <sup>43</sup> *Лурье Е.С.* Указ. соч. С. 74.
- <sup>44</sup> Там же. С. 72.
- <sup>45</sup> *Фридман С.Л.* Указ. соч. С. 50.
- <sup>46</sup> *Лурье Е.С.* Указ. соч. С. 72.

- 
- <sup>47</sup> Там же. С. 73. Проблемы государственного кредита и роли в нем частного должны рассматриваться в отдельном исследовании, т. к. объем материала и сложность темы, связанной с необходимостью анализа бюджетной политики, рассмотрением рынка ценных бумаг, не позволяют осветить этот вид кредитования в данной публикации.
- <sup>48</sup> Цит. по: Фридман С.Л. Указ. соч. С. 9.
- <sup>49</sup> См.: Брауде Х.И. Указ. соч. С. 153.
- <sup>50</sup> Мехряков В.Д. История кредитных учреждений и современное состояние банковской системы России. М., 1995. С. 180.
- <sup>51</sup> Мехряков В.Д. Развитие кредитных учреждений в России. М., 1996. С. 122.
- <sup>52</sup> Фридман С.Л. Указ. соч. С. 68.
- <sup>53</sup> А. Л. М. ОВК // Хозяйство Урала. 1926. № 12. С. 106.
- <sup>54</sup> Там же. С. 104.
- <sup>55</sup> Налетов Н. Частный банк на Урале (ОВК) // Хозяйство Урала. 1927. № 1. С. 135.
- <sup>56</sup> Там же. С. 132.
- <sup>57</sup> А. Л. М. ОВК. С. 107.
- <sup>58</sup> Налетов Н. Указ. соч. С. 135.
- <sup>59</sup> Фридман С.Л. Указ. соч. С. 39.
- <sup>60</sup> Дезен А.А. Финансовые проблемы частного капитала // Частный капитал в народном хозяйстве СССР. Матер. Комиссии ВСНХ СССР. М.; Л., 1927. С. 171–172. Обращает на себя внимание тот факт, что в этой статье А.А. Дезен рассматривает не финансовые проблемы частного капитала, а те проблемы, которые возникают в связи с ним у государства.
- <sup>61</sup> РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1 Д. 6804 Л. 89.
- <sup>62</sup> См. например: Гурбан И.А. Распространение на российский банковский сектор мирового опыта функционирования института кредитных историй (кредитных бюро) как одного из элементов банковской реформы // Становление и развитие банковского сектора Урала: Материалы VII Науч.-практ. конф., Екатеринбург, апрель 2002 года: Сб. докл. Екатеринбург, 2002. С. 141–148.
- <sup>63</sup> РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 1. Д. 23а. Л. 1.
- <sup>64</sup> Отметим, что детальная проработка этих и ряда других проблем, которые несомненно являются весьма перспективными, нуждается в дополнительных усилиях, как временных, так и материальных. Это связано с рассредоточением фондов правления АО «Кредит-Бюро», которые, помимо РГАЭ в г. Москве, находятся в г. Ялуторовске Тюменской области. Многие дела, рассмотренные нами, не обработаны — отсутствует нумерация страниц. Фонд, по всей видимости, находится в стадии обработки.
- <sup>65</sup> РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 1. Д. 92а. Л. 1.
- <sup>66</sup> О принципах построения кредитной системы: Декрет ЦИК и СНК СССР от 15 июня 1927 г. // Денежное обращение и кредитная система Союза ССР за 20 лет. М., 1939. С. 51.
- <sup>67</sup> Денежное обращение и кредитная система Союза ССР за 20 лет. С. 64.